

Научная статья
УДК 343.141

**РЕЗУЛЬТАТЫ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ
И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ВЗГЛЯД УЧЕНОГО 10 ЛЕТ СПУСТЯ**

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Введение: настоящая статья посвящена итогам проводившихся в течение последних десяти лет научных изысканий, связанных с сущностью и предназначением подлежащих протоколированию результатов процессуально-когнитивных приемов, предполагающих наглядно-образное восприятие фрагментов объективной реальности – так называемых невербальных следственных и судебных действий.

Материалы и методы: при подготовке статьи использованы дореволюционные, советские и постсоветские научные публикации, а также уголовно-процессуальное законодательство Российской империи, СССР, РСФСР, других союзных республик и Российской Федерации. Методологическая основа статьи сводится к общенаучным и частно-научным методам, в том числе диалектическому методу познания, методу системного анализа, историко-правовому методу, формально-логическим методам и др.

Результаты исследования: формулируется обновленная дефиниция результатов невербальных следственных и судебных действий. Под ними предлагается понимать, предрасположенные к использованию для нужд доказывания информационные активы, формируемые посредством наглядно-образной перцепции должностными лицами органов дознания, предварительного следствия либо участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки и подлежащие фиксации в соответствующих протоколах.

Выводы и заключения: определяется уникальная роль результатов невербальных следственных и судебных, не уступающая роли показаний, вещественных доказательств и прочих предусмотренных Кодексом информационных активов.

Ключевые слова: доказательства; протокол судебного заседания; протоколы следственных действий; результаты невербальных следственных действий; результаты невербальных судебных действий; средства доказывания; формирование доказательств

Для цитирования: Россинский С. Б. Результаты невербальных следственных и судебных действий в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 1 (116). С. 191–196.

Original paper

**RESULTS OF NON-VERBAL INVESTIGATIVE
AND JUDICIAL ACTIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS:
A SCIENTIST'S OPINION 10 YEARS LATER**

Sergey Borisovich Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: this article presents the results of scientific research conducted over the past ten years on the nature and purpose of procedural-cognitive techniques that involve the visual and figurative perception of fragments of objective reality and are subject to recording – so-called non-verbal investigative and judicial actions.

Materials and methods: this article draws on pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet scientific publications, as well as the criminal procedure legislation of the Russian Empire, the USSR, the RSFSR, other Soviet republics, and the Russian Federation. The article's methodological

© Россинский С.Б., 2026

framework is based on general and specific scientific methods, including the dialectical method of cognition, the method of systems analysis, the historical-legal method, formal-logical methods, and others.

Results of the study: an updated definition of the results of non-verbal investigative and judicial actions is formulated. These are proposed to be understood as information assets that are ready for evidentiary purposes and are formed through the visual and figurative perception of material fragments of objective reality and elements of the material environment by officials of inquiry and preliminary investigation bodies or by participants in court hearings, and are subject to recording in the relevant protocols.

Findings and conclusions: the unique role of the results of non-verbal investigative and judicial actions is determined, which is equal to the role of testimony, material evidence, and other information assets stipulated by the Code.

Keywords: evidence, court session minutes, investigative protocols, results of non-verbal investigative actions, results of non-verbal judicial actions, means of proof, evidence formation.

For citation: Rossinskiy S. B. Results of non-verbal investigative and judicial actions in criminal proceedings: a scientist's opinion 10 years later // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 1 (116). Pp. 191–196.

Некоторое время тому назад автора настоящей статьи всерьез заинтересовали проблемы результатов невербальных следственных и судебных действий как самостоятельных, играющих собственную роль уголовно-процессуальных доказательств — тех самых предусмотренных п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ / Кодекс) средств доказывания, которые в настоящее время официально называются протоколами следственных действий и судебного заседания (вариативно — протоколами следственных и судебных действий). А первые итоги проведенных в этой связи изысканий были представлены на строгий суд читателей в 9-м номере журнала «Законы России: опыт, анализ, практика» за 2013 г. Результатами невербальных следственных и судебных действий предлагалось считать предрасположенные к использованию для нужд уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений либо позиций сторон информационные активы, формируемые посредством наглядно-образной перцепции должностными лицами органов дознания, предварительного следствия либо участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Тогда как под протоколами рекомендовалось понимать не более чем средства фиксации подобных результатов, как бы документальные «приспособления» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего восприятия новыми субъектами процессуального доказывания [1]. В дальнейшем указанным проблемам были посвящены многие другие публикации автора, в том числе защищенная в начале 2016 г. докторская диссертация.

Вместе с тем у автора никогда не возникало намерений останавливаться на достигнутом. Напротив, за прошедшие годы интерес к проблематике результатов невербальных следственных и судебных действий лишь усилился. Автор постоянно размышлял над данными вопросами, периодически уделял им внимание в монографиях, статьях, прочих научных работах [2; 3], участвовал в их обсуждении с коллегами и т. д. Постепенно ранее высказанные позиции были дополнены, «отполированы», усилены новыми доводами, а некоторые — даже подверглись частичному переосмыслению. А в настоящее время возникла потребность в некоторой систематизации итогов этих изысканий — реализации данного замысла и посвящена настоящая статья.

А начать хотелось бы с констатации явно ненадлежащей процессуальной регламентации протоколов следственных действий и судебного заседания (читай, результатов невербальных следственных и судебных действий). Содержание ст. 83 УПК РФ, вроде бы как специально предназначенной для раскрытия понятия и сущности подобных информационных активов, фактически сводится к более чем к лаконичной, и весьма неопределенной формулировке. Говориться лишь о возможности их использования в качестве доказательств в случае соответствия установленных Кодексом требованиям. Другими словами, из смысла указанной нормы усматривается только один внятный посыл — легальный подход к пониманию таких средств доказывания ограничивается исключительно их допустимостью, то есть формальным требованием, предъявляемым в соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ и рядом положений УПК РФ к любым подлежащим использованию для нужд уголовной юстиции доказательствам. Невзирая на официально признанную идею гипотетической равнозначности доказательств, возникает ощущение какой-то второсортности результатов невербальных следственных и судебных действий (протоколов следственных действий и судебного заседания) по сравнению с другими средствами доказывания. Создается

впечатление несколько пренебрежительного отношения законодателя к данным информационным активам. К слову, подобное отношение усматривается даже в присущих Кодексу нейминговых противоречиях – в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ такие доказательства почему-то названы «протоколами следственных и судебных действий», хотя любому специалисту хорошо известно, что никаких отдельных протоколов судебных действий не существует, а содержание и результаты производимых в ходе судебных разбирательств процессуально-когнитивных приемов согласно ст. 259 УПК РФ подлежат отражению в единых протоколах судебных заседаний.

В чем же состоит значение ст. 83 УПК РФ для уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда? По всей видимости, ни в чем! Данное положение закона сводится к банальному и совершенно бессмысленному воспроизведению общего требования о допустимости доказательств (как бы к напоминанию о возможности использования лишь допустимых доказательств) в части нормативной регламентации одного из них. Более того, существование подобной, с позволения сказать, дефиниции способствует возникновению трудностей в разграничении результатов невербальных следственных и судебных действий с различными видами показаний как принципиально иных, но тем не менее тоже возникающих посредством следственных либо судебных действий, в первую очередь допросов и очных ставок, и подлежащих отражению в соответствующих протоколах средств доказывания. Во всяком случае для должного уяснения подлинной сущности, познавательной ценности и аргументационного потенциала результатов невербальных следственных и судебных действий ни указанная норма, ни какие-либо иные положения Кодекса явно непригодны! Причем такая непригодность видится не случайной. Во-многом эти недостатки вызваны теоретической непроработанностью данных вопросов.

Результаты следственных и судебных действий (протоколы следственных действий и судебного заседания) почему-то не заслужили столь пристального внимания научного сообщества, какое традиционного уделялось другим средствам доказывания. Говоря о подобных информационных активах, ученые-процессуалисты обычно ограничивались лишь более или менее удачными попытками толкования закона. Например, суждения многих дореволюционных авторов сводились к разъяснениям требований Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. [4, с. 201; 5, с. 292–293 и др.]. И все же некоторые ученые пытались высказывать определенные, к слову, совершенно верные, идеи, направленные на должное уразумение сущности протоколов-доказательств [6, с. 308–312]. А самой точной оказалась лаконичная реплика М.В. Духовского – смысл таких протоколов был связан с невозможностью сохранения имеющих значения для уголовного дела предметов в натуральном виде [7, с. 248].

Свойственные 1920-м–1950-м гг. взгляды на подобные средства доказывания тоже преимущественно сводились к толкованиям и разъяснениям соответствующих положений раннесоветского уголовного-процессуального права. Правда авторам в отличие от дореволюционных предшественников все же приходилось уделять определенное внимание вопросам разграничения протоколов-доказательств, в первую очередь протоколов осмотров, с другими письменными документами – такая потребность вытекала из смысла ст. 58 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. (ст. 62 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 г.) и соответствующих статей других союзно-республиканских [8, с. 101; 9, с. 209]. Тогда как в остальном никакого особого интереса к проблематике результатов невербальных следственных и судебных действий по-прежнему не существовало – советских ученых гораздо сильнее привлекали различные виды показаний, экспертные заключения и вещественные доказательства. Однако и среди них все-таки находились желающие сказать о протоколах нечто большее. Например, М.А. Чельцов, по сути, солидаризируясь с М.В. Духовским, совершенно справедливо усматривал их предназначение в возможности использования вместо вещественных доказательств, а их исследование (оглашение) в судебном заседании считал приемлемой альтернативной судебному осмотру [10, с. 327].

Некоторое усиление интереса к проблематике результатов невербальных следственных и судебных действий появилось лишь в 1960-х–1980-х гг. – ввиду известной реформы уголовно-процессуального законодательства. Так, в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г., ч. 2 ст. 69 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР 1960 г.) и соответствующих статьях прочих союзно-республиканских кодексов подобные информационные активы – протоколы следственных и судебных действий – были впервые официально признаны автономными средствами доказывания (источниками доказательств). Попутно были предприняты

первые попытки легализации дефиниций протоколов–доказательств – одна из них стала предусматриваться в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. В этой связи ученые-процессуалисты начали проявлять несколько большую активность в данном направлении. И, прежде всего, были высказаны здравые мысли о фиксации в таких протоколах результатов непосредственного наблюдения (восприятия) сотрудниками органов предварительного расследования либо участниками судебных заседаний фрагментов объективной реальности: обстановки определенных мест, следов преступлений, явлений, поведения определенных лиц и т. д. [11, с. 43; 12, с. 301–303 и др.]. Но, эти суждения являлись весьма фрагментарными, недостаточными для создания полноценной теоретической основы результатов невербальных следственных и судебных действий. К тому же, исходя из общего контекста соответствующих публикаций, они (суждения) предполагали высокую степень интуитивности и были достаточно голословными.

Конечно, в позднесоветский период существовали достаточно благоприятные условия для продолжения научных исследований в указанной сфере. Имелись и все предпосылки для формирования надлежащей теоретической основы результатов невербальных следственных и судебных действий. Ведь в стране наблюдался беспрецедентный подъем уголовно-процессуальной науки; разрастались и множились научные школы и центры, в расцвете творческих сил находились выдающиеся ученые-процессуалисты и т. д.

Однако эти шансы были упущены – в последние годы XX в. ввиду известных причин для теории уголовно-процессуального доказывания наступили далеко не лучшие времена: количество реализуемых научных «проектов» сократилось, а их качество – заметно снизилось. Вместо этого на фоне резкого изменения политического климата возникли совершенно иные и во многом чуждые национальным традициям приоритетные направления научной работы в области уголовного судопроизводства. В предмет проводившихся исследований все чаще стали попадать различные аспекты состязательности, обеспечения прав личности, презумпции невиновности, суда присяжных и т. п. Тогда как интерес к проблематике доказывания начал постепенно утрачиваться, разве что за исключением конъюнктурной увлеченности ряда авторов вопросами допустимости доказательств. В этой связи начатые было ранее изыскания в части результатов невербальных следственных и судебных действий фактически прекратились. Взамен авторы стали по-прежнему ограничиваться незамысловатыми разъяснениями соответствующих положений закона. А в последние годы такие разъяснения ожидаемого дополнились вполне заслуженной критикой ст. 83 УПК РФ и призывами к реставрации содержащейся в ст. 87 УПК РСФСР 1960 г. советской нормативной дефиниции протоколов-доказательств, предполагающей перечисление обуславливающих их формирование процессуальных действий. И лишь немногие ученые не отказались от попыток рассмотрения сущности подобных средств доказывания, продолжив исходить из их обусловленности итогами непосредственного восприятия каких-либо сведений должностными лицами органов предварительного расследования или участниками судебных заседаний [13, с. 216–217; 14, с. 161–162].

Именно «с легкой руки» одного из них – профессора Ю.К. Орлова – у автора настоящей статьи в свое время возникли намерения осуществить более глубокие научные изыскания, направленные на распознавание подлинной сущности протоколов-доказательств, в первую очередь характера фиксируемой в них полезной информации. В итоге проведенных исследований наступило четкое осознание обусловленности указанных средств доказывания так называемым невербальным способом процессуального познания, сводящимся к наглядно-образному восприятию субъектами доказывания материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки – именно поэтому данные познавательные активы и было предложено называть не протоколами, а результатами невербальных следственных и судебных действий.

К слову, попутно проявился и оказался хорошо заметным нормативный изъян, возникший еще в период формирования раннесоветского уголовно-процессуального права, а затем, как бы по инерции перекочевавшей в последующие законодательные акты, в том числе в действующий Кодекс. Этот изъян надлежит усматривать в легальном (нормативном) наречении результатов невербальных следственных и судебных действий протоколами следственных действий и судебного заседания (именно протоколами!) – в их ошибочном позиционировании как процессуальных документов, то есть в нарушении единообразных подходов к пониманию различных средств доказывания. Ведь вполне очевидно, что в отличие, например, от показаний и экспертных заключений протоколы являются не столько самими предполагаемыми к использованию для нужд уголовной юстиции информационными активами (определенными конфигурациями полезных сведений), сколько документальными «приспособлениями», как бы подходящими «бюрократическими контейнерами» для их сохранения, приобщения к уголовным делам и дальнейшего

восприятия субъектами процессуального познания, не принимавшими непосредственного участия в соответствующих следственных и судебных действиях.

А причины возникновения такой шероховатости также видятся в отсутствии надлежащей теоретической основы подобных средств доказывания. По всей вероятности, она появилась вследствие перманентного оставления без должного внимания прежнего, в первую очередь бытовавшего в дореволюционный период отношения к уголовно-процессуальному доказыванию как к исключительному атрибуту судебной деятельности, не свойственному работе иных должностных лиц. Ведь ранее доказательства прямо назывались судебными – по сути, подразумевалось, что любые подлежащие использованию для нужд уголовной юстиции познавательные активы могли рассматриваться и оцениваться в качестве полноценных средств доказывания лишь представителями судебной власти. Тогда как осмотры, освидетельствования, обыски, прочие невербально-когнитивных приемы зачастую проводились полицией (иными внесудебными органами). Поэтому в бытовавших ранее представлениях о результатах невербально-когнитивных приемов именно как о протоколах в целом не было ничего странного – суды действительно всегда получали и продолжают получать подлежащие исследованию и использованию в судебных заседаниях (!) сведения об обнаруженных и воспринятых полицейскими либо иными внесудебными чиновниками материальных фрагментах объективной реальности, элементах вещной обстановки посредством ознакомления с содержанием составляемых ими (чиновниками) протоколов.

Правда при формировании соответствующих положений законодательства почему-то никогда не учитывались собственные полномочия представителей судебной власти (вначале – «царских» судебных следователей, а затем – и раннесоветских народных следователей) по проведению невербально-когнитивных приемов. А позднее отчего-то не были приняты во внимание советские процессуальные новшества, состоящие в праве формирования полноценных доказательств органами предварительного расследования во внесудебном порядке. Да и возможности проведения аналогичных по содержанию процессуальных действий, главным образом осмотров, прямо в ходе судебных заседаний, видимо, тоже никогда не наводили «коллективного законодателя» на раздумья о возникающей в этой связи нормативном изъяне. Вместе с тем не исключено, что в случае надлежащей теоретической проработанности соответствующих вопросов этих упущений также удалось бы избежать.

Таким образом, под результатами невербальных следственных и судебных действий надлежит понимать, предрасположенные к использованию для нужд доказывания информационные активы, формируемые посредством наглядно-образной перцепции должностными лицами органов дознания, предварительного следствия либо участниками судебных заседаний материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки и подлежащие фиксации в соответствующих протоколах. А их роль в уголовно-процессуальном доказывании представляется ни коим образом не уступающей роли показаний, вещественных доказательств и прочих предусмотренных Кодексом информационных активов. Именно с их помощью нередко удается установить и подтвердить не вполне предрасположенные к установлению и подтверждению посредством иных доказательств обстоятельства и детали произошедшего. В частности, результаты невербальных следственных и судебных действий способствуют сохранению в материалах уголовного дела сведений об обнаружении и наглядно-образной перцепции неподдающихся (не вполне поддающихся) процессуальной «консервации», в том числе подверженных деформациям или исчезновениям материальных фрагментов объективной реальности: мест происшествий, других помещений, сооружений, участков местности, особенностей внешности и физического состояния живых людей, трупов крупногабаритных предметов, партий товаров и т. п. Кроме того, они позволяют зафиксировать информацию о неподлежащих повторному воспроизведению конкретных действиях (телодвижениях) участников уголовного судопроизводства, о фактах нахождения в определенных местах значимых для доказывания предметов, документов и т. д. Поэтому думается, что инкрементальное внедрение данного подхода к пониманию результатов невербальных следственных и судебных действий в теорию уголовного процесса, уголовно-процессуальное законодательство и практическую деятельность явно поспособствует качеству доказывания, в первую очередь устранению ряда допускаемых дознавателями, следователями, прокурорами, адвокатами и судьями ошибок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 9.

2. Россинский С.Б. Протоколы следственных действий: проблемы процессуальной формы и доказательственного значения // Lex Russica. 2017. № 10 (131).
3. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? – Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81).
4. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913.
5. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. М., 1915.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2. СПб., 1910.
7. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910.
8. Строгович М.С. Уголовный процесс: краткий учебник. М., 1938.
9. Калашникова Н.Я., Куцова Э.Ф., Савгирова Н.М., Якуб М.Л. Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1955.
10. Чельцов М.А. Уголовный процесс. М., 1948.
11. Галкин В.М. Средства доказывания в уголовном процессе. Часть 2. М., 1967.
12. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Особенная / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1967.
13. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.
14. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М., 2009.

REFERENCES

1. Rossinskiy S.B. The Essence of the Results of Non-verbal Investigative and Judicial Actions as Evidence in a Criminal Case // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2013. № 9.
2. Rossinskiy S.B. Protocols of Investigative Actions: Problems of Procedural Form and Evidentiary Value // Lex Russica. 2017. № 10 (131).
3. Rossinskiy S.B. Appendix to the protocol of the investigative action: to recognize or not to recognize as material evidence? Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2(81).
4. Poznyshev S.V. Elementary Textbook of Russian Criminal Procedure. Moscow, 1913.
5. Feldstein G.S. Lectures on Criminal Procedure. Moscow, 1915.
6. Foinitskiy I.Ya. Course in Criminal Procedure. Volume 2. St. Petersburg: Senatorial Printing House, 1910.
7. Dukhovskoy M.V. Russian Criminal Procedure. Moscow, 1910.
8. Strogovich M.S. Criminal Procedure: A Brief Textbook. Moscow, 1938.
9. Kalashnikova N.Ya., Kutsova E.F., Savgirova N.M., Yakub M.L. Issues of criminal procedure in the practice of the Supreme Court of the USSR. M.: State Publishing House of Legal Literature, 1955.
10. Cheltsov M.A. Criminal procedure. Moscow. 1948.
11. Galkin V.M. Means of Evidence in Criminal Proceedings. Part 2. Moscow: Central Research Institute of Forensic Expertise, 1967.
12. Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure. Special Part / ed. N.V. Zhogin. Moscow, 1967.
13. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. Criminal Procedure: Evidence and Proof. Voronezh, 1995.
14. Orlov Yu.K. Problems of the Theory of Evidence in Criminal Procedure. Moscow, 2009.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. Б. Россинский – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. B. Rossinskiy – Grand PhD in Law, Professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.